ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Сайдумов М.Х., Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова Российской академии наук, Чеченский государственный университет, г. Грозный, Российская Федерация, *sajdumovm@bk.ru*

Впервые на основе группы нормативно-правовых актов дается ревизионная оценка политико-правовых событий начала 90-х гг. XX в., произошедших в Чеченской Республике (Чечено-Ингушской Республике), стремительно приведших к разрушению чеченской (чечено-ингушской) советской государственности.

Цель исследования: анализ государственного переворота в автономной республике в 1991 г., как основы «турбулентно-кумулятивного» процесса сецессии из федеративного государства посредством двойного действия: а) внутренней сецессии составной части субъекта в лице Ингушетии; б) заявления о суверенитете Чеченской Республики, объявленного силами, ориентированными на суверенизацию республики, пришедшими к власти методом революционных действий: захват зданий исполнительной и законодательной власти, правоохранительных органов.

Научная новизна и актуальность: выстроены и проанализированы в хронологическом порядке ключевые события в Чеченской Республике историко-правового значения, объективная и всесторонняя оценка которых не утратила своей актуальности на современном этапе ввиду осложнения общественно-политической ситуации вокруг Российской Федерации (события на востоке Украины).

В рамках статьи проанализированы такие документы, как Конституция ЧИАССР 1978 г., Декларация о государственном суверенитете Чеченской Республики. Сформулирован вывод, содержащий оценочные характеристики относительно правового статуса Чеченской Республики в период с 1991 по 1999 г.

Ключевые слова: конституция, декларация, сецессия закон, суверенитет, система, принцип, анклав.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-29-1-31-37

UDC 340:342

STATE-LEGAL STATUS of the CHECHEN REPUBLIC IN THE POST-SOVIET PERIOD: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Saydumov M.Kh., Complex Research Institute Ibragimova, Russian Academy of Sciences, Chechen State University, Grozny, Russian Federation, *sajdumovm@bk.ru*

For the first time, on the basis of a group of legal acts, an audit assessment of the political and legal events of the early 1990s is given. Twentieth century. occurred in the Chechen Republic (Chechen-Ingush Republic) rapidly led to the destruction of the Chechen (Chechen-Ingush) Soviet statehood. Objective: analysis of the coup d'état in the autonomous republic in 1991, as the basis of the "turbulent-cumulative" process of secession from a federal state through double action: a) Internal secession of the constituent part of the subject represented by Ingushetia; b) statements on the sovereignty of the Chechen Republic, declared by the forces oriented to the sovereignty of the republic by the method of revolutionary actions that came to power: the seizure of executive and legislative authorities, law enforcement agencies. Scientific novelty and relevance: lined up and analyzed in chronological order, key events in the Chechen Republic, historical and legal significance, objective and comprehensive assessment, which has not lost its relevance at the present stage due to the complication of the socio-political situation around the Russian Federation (events in eastern Ukraine). Within the framework of the article, the following documents were analyzed: the Constitution of the CIASSR of 1978, the Declaration of State Sovereignty of the Chechen Republic. The conclusion is formulated containing estimated characteristics regarding the legal status of the Chechen Republic in the period from 1991 to 1999.

Key words: constitution, declaration, secession law, sovereignty, system, principle, enclave.

DOI: 10.21779/2224-0241-2019-29-1-31-37

В современной историко-правовой науке уделяется достойное внимание процессу строительства современной российской государственности применительно к действиям Центра, при сравнительно малом объеме исследований, связанных с проблемами периферийного становления и развития Федерации. Одной из тем, представляющих научный интерес для историко-правовой науки, но остающихся в разряде малоизученных, является политико-правовая ситуация в Чеченской Республике образца 1991–1994 гг. При наличии различных вариативных изложений по фрагментному типу данной темы философами, политологами, историками [1] нет базовой оценки этих событий посредством исследования всей совокупности нормативно-правовых актов, изданных как на федеральном уровне, так и в Чеченской Республике. Некоторые обзорные сведения, связанные с систематизацией нормативно-правовых актов, содержатся в отдельных работах правоведов [2, 3, 4], их аргументированная позиция, в основе которой заложен правовой анализ событий, стала мотивированным фактором для «молекулярного» исследования процессов чеченской сецессии образца 90-х гг. XX столетия.

Научная оценка «чеченской самостоятельности» образца 1991–1994 гг. представляется необходимым действием в рамках отечественной историко-правовой науки, регулярно обращающейся к проблемам становления и развития государственно-правовых отношений при переходе от советского федерализма (в рамках РСФСР) к начальному российскому адаптивно-либеральному федерализму образца 1991–1993 гг., переходному федерализму (1994–1999 гг.) и последующему вертикально-централизованному федерализму (2000–2018 гг.) (РФ).

Актуальность обстоятельного изучения причин трагедии в Чеченской Республике (начала и конца 90-х гг. XX столетия), стремительный переход этого субъекта из различных состояний: политического, военного, неопределенного статуса и, наконец, равноправного признания и успешного государственного строительства в рамках российской государственности требует осмысления историко-правового опыта Чечни. Политико-правовые события в Чеченской Республике указанного периода по прошествии более четверти века требуют комплексной ревизии этих процессов. Ситуация не представляется однозначной и ясной, поскольку нет аргументированных объяснений потери конституционно-правовых механизмов управления ситуацией в момент зарождения и эскалации политико-правовых событий чеченской сецессии, при этом нет абсолютного подтверждения общей изолированности как политической, правовой, так и экономической властной вертикали, сформированной Д. Дудаевым. К примеру, это подтверждают ведомственные нормативно-правовые акты и иные источники. Согласно приказу П. Грачёва от

28.05.1992 г. командующему войсками СКВО (лично) разрешалось передать Чеченской Республике из наличия 173 гв. ОУЦ боевую технику, вооружения в 50% соотношении от общей цифры [5, с. 38]. К конституционно-правовым устройствам России, формулируя ряд предложений к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, обращался Д.М. Дудаев [5, с. 146]. Не прерывалось до конца и экономическое взаимодействие в виде не прекращавшихся до осени 1994 г. хозяйственно-договорных отношений между нефтеперерабатывающими компаниями Российской Федерации в лице ее субъектов и аналогичными отраслевыми предприятиями в Чеченской Республике [6].

Но декларативная пропаганда политико-правового размежевания в рассматриваемый период активно внедрялась и муссировалась на политическом уровне с двух сторон. В.В. Жириновский говорил о выходе де-факто Чеченской Республики из-под контроля федеральных органов власти, нераспространения на ее территорию Конституции РФ и других федеральных законов [7, с. 55]. В научный оборот при классификации Чеченской Республики В. Жириновским был введен термин «Национальный анклав чеченского народа, находящийся в состоянии самоопределения» (НАЧНСС) [7, с. 56]. Ввиду создавшейся ситуации он предлагал процедуру исключения из п. 1 ст. 65 слов «Чеченская Республика» на основании указа Президента РФ [7, с. 57]. Характеризуя последующие события в Чеченской Республике, он классифицирует их как «гражданскую войну» с характером этнического восстания, мятежа, где одной из противоборствующих сторон указан чеченский этнос [7, с. 54]. Предлагавшаяся автором концепция решения чеченского вопроса, согласно этим и многим другим предложениям, была ориентирована на размежевание с Чечней, но никак не на объединение и консолидацию внутри одного федеративного государства, что, безусловно, способствовало бы решению вопроса. Вывод основан также на внесенном В.В. Жириновским 4 марта 1999 г. в Госдуму законопроект «О чеченском народе», резюме по данному закону: он предлагал определение гражданской правосубъектности по национальному признаку, определение статуса границы между Россией и Чечней, введение визового режима для жителей НАЧНСС. Подобная законодательная инициатива в конце XX столетия в условиях молодого российского федерализма выглядела открыто неинтеграционной.

Предположим, что наличие таких оценочных характеристик и предложений, направленных на отчуждение Чеченской Республики, имевшихся в начале 1990-х гг. в федеральном политическом руководстве, привело к событиям 1994 г. Имелся ли иной путь развития политико-правовых отношений в Чечено-Ингушской АССР, затем уже в Чеченской Республике? Безусловно, да, при наличии политической воли главных участников поли-

тико-правовых отношений. Но, помимо «воли», заложенной в основу философии права, есть очень важная единая константа, именуемая законом. Соблюдение закона и его ненарушение, целенаправленное следование ему позволило бы оградить от трагических факторов периода 1991–1994 гг. В этой совокупности проанализируем ниже представленные нормативные правовые акты указанного периода.

Конституции ЧИАССР (1978 г.). Статья 97 Конституции ЧИАССР является одной из самых важных статей для осмысления практического опыта конституционно-правового развития республики, действий законодательной и исполнительной властей. Она могла и должна была выступить правовым заслоном от деятельности антиконституционных сил, пришедших к власти в 1991 г. Заключительный пункт статьи прямо закреплял, что проекты законов Чечено-Ингушской АССР и другие важные вопросы государственной жизни автономной республики решением Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР либо Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР могут быть вынесены на народное обсуждение [8, с. 83]. Верховный Совет ЧИАССР в 1991 году мог взять на себя всю полноту ответственности за будущее республики и инициировать проведение всенародного референдума по вопросу или группе вопросов, ставших политическими лозунгами революционного движения. Проведение референдума в этот период было юридически важным событием для республики. Вне зависимости от его результатов у республики появилась правовая легитимность либо на отстаивание нового статуса, либо на пресечение антиконституционных действий.

Стоит отметить, что Конституция ЧИАССР 1978 г. (структурно 10 разделов, 161 статья) в полной мере позволяла реализовать на практике широту демократических идей и начинаний в конце 80-х XX столетия. Это стало возможным благодаря конституционному праву, закреплённому в статье 45, согласно которой граждане республики имели право объединяться в общественные организации, способствовавшие развитию политической активности и самостоятельности, удовлетворению их многообразных интересов [8, с. 70]. Именно здесь происходит правовая коллизия, поскольку разрешенные законом общественные организации с 1989 г. стали политическими драйверами ускоренной реализации проекта «слом чечено-ингушской государственности». Это происходило под влиянием съездов, организованных общественными организациями, которые через конституционное право законодательной инициативы (ст. 96) начали активную деятельность за правовое размежевание, подменяя понятие «инициатива» на «решение».

Как отмечают исследователи Т.У. Эльбуздукаева, Е.А. Изрипова (со ссылкой на источник): 9–10 сентября 1989 г. на II съезде ингушского народа была выдвинута идея о создании Республи-

ки Ингушетия [9, с. 51]. Можно предположить, что в результате этих действий закладывались основы будущей сецессии одной из составных частей автономной республики. Вопреки положению ст. 160 Конституции ЧИАССР, закрепившей, что вся законодательная деятельность осуществляется на основе и в соответствии с Конституцией ЧИАССР, общественные организации своими декларативными действиями начали процесс придания им нормативного характера. Процесс территориального разделения ЧИАССР на две единицы (Чеченскую Республику и Ингушскую Республику) входил в противоречие со ст. 65 Конституции ЧИАССР: территория автономной республики не могла быть изменена без ее согласия [9, с. 74]. Постановка этого вопроса и принятие решения по нему должны были происходить опять же согласно ст. 160. Для изменения Конституции республики необходимо было решение Верховного Совета ЧИАССР, принимаемое большинством, не менее 2/3 от общего числа депутатов Верховного Совета ЧИАССР.

Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики 1990 г. (структурно: преамбула и 19 статей) [10]. Настоящая декларация являлась «нормативным продуктом» высшего законодательного органа республики, принятого в условиях общей демократизации страны. Преамбула документа свидетельствует как раз об этом с учетом национальных интересов. Но на этом ее практическая ориентированность заканчивается. Как представляется, это связано с тем, что ВС ЧИАССР не предпринял действий, де-юре закреплявших ст. 1. Чечено-Ингушская Республика есть суверенное государство, созданное в результате самоопределения чеченского и ингушского народов. Возможно, здесь под фактором самоопределения подразумеваются решения съездов, проходивших в ЧИАССР в период с 1989 по 1990 г. Но для закрепления такового, для усиления юридического веса этого документа и съездам, и ВС ЧИАССР, руководствуясь ст. 97 Конституции ЧИАССР, следовало вынести данный вопрос до принятия указанной декларации на всенародное обсуждение. Этим действием декларация приобрела не просто декларативно-заявительный характер стандартного рамочного документа, активно принимавшегося на всей территории СССР (после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР 12 июня 1990 г). Отсутствие «на руках» легитимного решения по результатам всенародного обсуждения создает противоречивость в содержании и реализации ст. 7: ни одна политическая партия, общественная организация, а также группы или отдельные лица не могут выступать от имени народа Чечено-Ингушской Республики.

Исключительное право выступать от имени народа Чечено-Ингушетии имеет только Верховный Совет – высший орган власти Чечено-Ингушской Республики. Статья 15: для обеспечения политических, экономических и правовых га-

рантий суверенитета Чечено-Ингушской Республики устанавливается верховенство Конституции и законов Чечено-Ингушской Республики на всей ее территории. Формулировка статьи не уточняет, о какой конституции идет речь: о действующей или новой. Эта же формулировка противоречит статье 16: любые попытки неконституционным путем изменить государственный строй в Чечено-Ингушской Республике являются тяжчайшим преступлением против ее народа. Возникает вопрос, каким образом ВС ЧИР (по тексту документа) обеспечил изменение статуса республики без референдума, в тексте декларации изменен статус автономной республики в названии на Чечено-Ингушскую Республику. Текст настоящей декларации не конкретизирует правосубъектность в отношении СССР или РСФСР.

Общий анализ данного документа, состоявшего из 19 статей, говорит о его патриотическом содержании, направленном на развитие национальной государственности. Но одновременно мы видим, что документ к моменту принятия не обеспечен нормативно-правовой основой, которая могла бы стать его проводником при реализации на практике. Речь идет о всенародном обсуждении посредством референдума. Референдум, по нашему мнению, с вынесением на всенародное обсуждение вопросов статуса, территориального единства республики, Конституции ЧИР во многом позволил бы эффективно решить вопросы дальнейшего государственно-правового развития, в т.ч. действенного решения Закона РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» и, возможно, оградил бы от трагических событий 1992 г. (в зоне осетино-ингушского конфликта) и 1994 г. (военных действий в Чеченской Республике).

С общей правовой оценкой деклараций о государственном суверенитете высказывался Б.Л. Железнов. По его мнению, Декларации о суверенитете автономных республик были юридическим порождением российской Декларации. Без появления этой главенствующей декларации юридические последствия, каковыми выступают аналоговые документы в субъектах РСФСР, не были бы возможными в юридической природе. В 4 пункте российской Декларации было определено, что провозглашение суверенитета РСФСР имеет одну из высших целей: право каждого народа на самоопределение в избранных им национально-государственных формах. Возможно, это положение и является направляющим сигналом для принятия в автономиях аутентично ориентированных деклараций. Девятый пункт декларации подтверждал необходимость значительного расширения прав субъектов РСФСР. Конкретные вопросы осуществления этих прав должны были определяться законодательством РСФСР о национально-государственном и административно-территориальном устройстве Федерации [11].

Декларации автономиями принимались в разное время. Разными они предстают и по характеристикам: государственный суверенитет (ЧИР) или государственно-правовой статус (Дагестан). Существенно отличаются по содержанию от всех остальных декларации Чечено-Ингушской Республики и Республики Татарстан. Это содержательное отличие связано с правосубъектностью, которая не имеет в данных документах федерального закрепления. Выскажем предположение, опираясь на мнения исследователей А. Бугаева [12] (Чеченская Республика) и Б.Л. Железнова [13] (Республика Татарстан), о том, что принятие документов в двух республиках с неконкретизируемой правосубъектностью формально опиралось на Закон СССР от 26 апреля 1990 г., позволявшего выступить в лице участника Союзного договора. В этом аспекте Республика Татарстан юридически более основательно и методично осуществляла правовую деятельность по реализации принципа самоопределения. Как отмечает Б.Л. Железнов, Верховный Совет Республики Татарстан принял Декларацию о вхождении в Содружество независимых государств [13, с. 43].

Если изучить природу возникновения и принятия Деклараций о государственном суверенитете Чечено-Ингушетии и Республики Татарстан, опираясь на исследования А.М. Бугаева и Б.Л. Железнова, то они во многом тождественны в части влияния на корректировку текста под воздействием общественных и национал-патриотических организаций. Необходимо понимать, что право выхода из состава СССР являлось даже для союзных республик не востребовавшимся и нереализуемым правом по причине строгой закрытости этого вопроса до 1991 г. Декларации о государственном суверенитете автономий, не обеспеченные решениями всенародных обсуждений, имели статус программных документов. Их половинчатая юридическая природа приобрела бы легитимный статус, если бы они имели четко обозначенный статус закона или после их принятия были бы обеспечены проведенным референдумом. Тем не менее именно российская декларация стала опорной в юридическом оформлении ликвидации СССР. 12 декабря постановлением Верховного Совета РСФСР под председательством Р.И. Хасбулатова, руководствуясь Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, был денонсирован договор об образовании СССР от 30 декабря 1922 г. [14].

Юридическим основанием для осуществления действий по сецессии Чеченской Республики из состава России стала и Декларация о государственном суверенитете ЧИР, нашедшая первоочередное упоминание в указе президента Чеченской Республики о государственном суверенитете Чеченской Республики от 1 ноября 1991 г. В самом тексте указа нет названия «Чечено-Ингушская Республика», которая упомянута в оригинале декларации, при этом волеизъявление граждан, на которое

ссылается в своём указе Д. Дудаев, определяется «прямыми и всеобщими выборами президента».

Изучение нормотворчества рассматриваемого периода вызывает один и тот же вопрос, почему ни до принятия декларации о государственном суверенитете республиканскими властями Чечено-Ингушской Республики, ни после её принятия не была проведена процедура ее юридического обеспечения. Это правовое бездействие привело к антиконституционным действиям в Чечено-Ингушетии, оформившимся в виде внутренней сепарации Ингушетии из состава Чечено-Ингушской АССР, и действиям сил, пришедших к власти в Чеченской Республике. Настоящие действия находили поддержку и на самом высоком федеральном уровне. Стоит обратить внимание на формулировку Закона Российской Федерации «О внесении изменений в ст. 71 Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России» [15], на п. 1 о преобразовании Чечено-Ингушской Республики в Республику Ингушетию. Возникает вопрос, какое место определено в результате этого «преобразования» собственно *Чечено* (Чеченской Республике)?

2 марта 1992 г. Парламент самопровозглашенной Чеченской Республики принял постановление № 108 «О порядке вступления в силу Конституции Чеченской Республики» о вступлении её в действие с 12 марта 1992 г. [16].

По факту это первая конституция в российском политическом пространстве, принятая после распада СССР, без советских обозначений и модернизаций, как это было с внесенными изменениями в 1992 г. применительно к российской Конституции 1978 г. При обращении к этим и более ранним событиям возникает аналогия с первой конституцией послереволюционного периода, принятой в России в начале XX столетия, которой фактически была Конституция Союза горцев Северного Кавказа и Дагестана [17].

В случае политического консенсуса между центром и республикой, новая чеченская конституция вполне могла быть интегрирована в общероссийское пространство. Но вызывает вопрос процедура её принятия в условиях действующей де-юре Конституции ЧИАССР.

Мы считаем важным обратить внимание на п. 3 указанного выше постановления парламента, в котором четко зафиксировано действие Конституции ЧИАССР до 12 марта 1992 г. И это обстоятельство порождает уникальную юридическую противоречивость всех событий периода с 1991 по 1992 г.: президентские и парламентские выборы, раздробленность Чечено-Ингушской Республики. Ещё 2 пункта данного постановления дают основание считать, что республика, несмотря на всю торжественную декларативность процесса суверенитета и сепарации из Российской Федерации, руководствовалась на своей территории (помимо вступающей в действие Конституции от 12 марта 1992 г.) еще нормативными актами: законами ЧИАССР,

ЧИР (п. 4); на территории республики действовала денежная и кредитная система СССР. Судебная система и правоохранительные органы руководствовались уголовным законодательством РСФСР.

Конституция Чеченской Республики 1992 г. (8 разделов 116 статей). Одной из важных в настоящей Конституции статей является ст. 16: о вынесении важных вопросов на всенародное обсуждение и постановке на всенародный референдум. Право на референдум граждане имели в форме участия в управлении государственными делами согласно ст. 47.

Статья 62 данной конституции в вопросах исключительного ведения парламента в п. 9 закрепляла право принятия решения о проведении всенародного голосования (референдума). В ст. 64, п. 24, было также закреплено принятие решения о проведении всенародного голосования (референдума), в т.ч. и по предложению Президента. Анализ Конституции ЧР от 12 марта 1992 г. показывает конституционное устройство республики на принципах парламентского главенства. В ст. 62, п. 10, было закреплено право принятия решения о возбуждении процедуры отстранения от должности Президента Чеченской Республики, а также в 64 статье парламента имел право отстранить от должности президента, вице-президента, судейский корпус и других должностных лиц. Закон парламента, на который было наложено вето президента, рассматривается повторно и в случае одобрения его 2/3 голосов от общего состава депутатского корпуса подлежал вступлению в законную силу (ст. 67).

Анализ настоящей конституции сформировал нашу позицию: Конституция Чеченской Республики 1992 г. должна была обрести реальную юридическую значимость в случае вынесения её на всенародный референдум. Проведение референдума было возможным как до принятия рассмотренной конституции, так и после (согласно приведённым нормативным закреплениям). Референдум, как всенародная форма волеизъявления по важным для республики вопросам, способствовал бы конституционно-правовой стабилизации внутри самой республики и выстраиванию политико-правовых отношений с Российской Федерацией. Неспособность парламента республики при столь высокой концентрации нормативных полномочий заявить и провести референдум сразу после принятия конституции Чеченской Республики привела к его последующему роспуску и потере всякого очертания конституционного строя в Чеченской Республике.

В заключение можно сделать следующие выводы. Санкционированный на союзном уровне декларативный марш торжественных суверенитетов периода 1990 г. и усиление политической борьбы за власть в центре одной из союзных республик в лице РСФСР, сепарация прибалтийских республик привели в знаменателе к необратимому процессу распада СССР. Позднесоветская демократизация и постсоветская неопределённость способствовали

созданию правового диссонанса на уровне автономных субъектов РСФСР, которые поддерживали принятие российской декларации дублирующими документами (с некоторой спецификой). Наиболее острый конституционный кризис проявился в ЧИАССР: правовые противоречия на начальном

этапе, игнорирование законов на федеральном и республиканском уровне создали условия конституционного беспорядка, приведшие к трагическим последствиям 1994–1996 гг.

Литература

1. Манкиев А.А. Чечня и чеченцы в пространстве государственной национальной политики и мифов. Махачкала, 2018. 428 с.
2. Сайдумов Д.Х. Судебная система Чеченской Республики: основные этапы возрождения и развития в начале XXI в. // Юридический вестник ДГУ. 2012. № 4. С. 35–39.
3. Сайдумов Д.Х. Судебная система Чеченской Республики в период с 1990 по 1999 г. // Власть. 2010. №8. С. 162–165.
4. Сайдумов Д.Х. Суд, право и правосудие у чеченцев и ингушей (XVIII–XX вв.). Грозный, 2014. 526 с.
5. Комиссия Говорухина. Кто развязал кровавый конфликт в Чечне? Правда, которую не хотят знать. Свидетельства, заключения, документы, собранные Комиссией под председательством С.С. Говорухина. М.: Лавента, 1995.
6. Экономика Чеченской Республики. Грозный, 2013. 594 с.
7. Жириновский В. Война как фактор русской истории. М., 1994. 104с.
8. Конституции Чеченской Республики: от первой Конституции XX века до первой Конституции XXI века: сб. конституций, посвященный 10-летию Референдума 23 марта 2003 года и принятия Конституции Чеченской Республики. Грозный, 2013. 300 с.
9. Эльбиздакаева Т.У., Изрипова Е.А. Национально-государственное строительство в Чеченской Республике. В конце XX – первом десятилетии XXI в. Грозный, 2018. 208 с.
10. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики. URL: <https://constitutions.ru/?p=2915&attempt=1> (дата обращения: 05.06.2018).
11. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г. URL: <http://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (дата обращения: 15.09.2018).
12. Бугаев А.М. Декларация о государственном суверенитете Чечено-Ингушской республики: политически неизбежный шаг или политический демарш [Электронный ресурс]. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/22/history/bugaev.pdf (дата обращения: 15.09.2018).
13. Железнов Б.Л. Декларация республик о государственном суверенитете: правовая оценка // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 4. С. 42–45.
14. О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств: постановление Верховного Совета РСФСР от 12 дек. 1991 г. № 2015-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 51, ст. 1799. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102013524&rdk=0&&empire=> (дата обращения: 13.09.2018).
15. О внесении изменений в статью 71 Конституции (Основного закона) Российской Федерации – России: закон Рос. Федерации от 10 дек. 1992 г. № 4071-1 (прекратил действие). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Конституция Чеченской Республики 1992 г. Грозный, 1992.
17. Сайдумов М.Х. Конституция Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана: Чечня в процессе становления государственности (1917–1918 гг.) // Евразийский юридический журнал. 2018. № 3 (118). С. 199–202.

References

1. Mankiev A.A. Chechnya i chechentsy v prostranstve gosudarstvennoi natsional'noi politiki i mifov. Makhachkala, 2018. 428 s.
2. Saidumov D.Kh. Sudebnaya sistema Chechenskoj Respubliki: osnovnye etapy vozrozhdeniya i razvitiya v nachale XXI v. // Yuridicheskii vestnik DGU. 2012. № 4. S. 35–39.
3. Saidumov D.Kh. Sudebnaya sistema Chechenskoj Respubliki v period s 1990 po 1999 g. // Vlast'. 2010. №8. S. 162–165.
4. Saidumov D.Kh. Sud, pravo i pravosudie u chechentsev i ingushei (XVIII–XX vv.). Grozny, 2014. 526 s.

5. Komissiya Govorukhina. Kto razvyazal krovavyi konflikt v Chechne? Pravda, kotoruyu ne khotyat znat'. Svidetel'stva, zaklyucheniya, dokumenty, sobrannye Komissiei pod predsedatel'stvom S.S. Govo-rukina. M.: Laventa, 1995.
6. Ekonomika Chechenskoj Respubliki. Groznyi, 2013. 594 s.
7. Zhirinovskii V. Voina kak faktor russkoj istorii. M., 1994. 104 s.
8. Konstitutsii Chechenskoj Respubliki: ot pervoj Konstitutsii KhKh veka do pervoj Konstitutsii KhKhI veka: sb. konstitutsii, posvyashchennyi 10-letiyu Referenduma 23 marta 2003 goda i prinyatiya Konsti-tutsii Chechenskoj Respubliki. Groznyi, 2013. 300 s.
9. El'buzdukaeva T.U., Izripova E.A. Natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo v Chechenskoj Respu-blike. V kontse KhKh – pervom desyatiletii KhKhI v. Groznyi, 2018. 208 s.
10. Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Checheno-Ingushskoj Respubliki. URL: <https://constitutions.ru/?p=2915&attempt=1> (data obrashcheniya: 05.06.2018).
11. Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Sotsiali-sticheskoi Respubliki ot 12 iyunya 1990 g. URL: <http://constitution.garant.ru/act/base/10200087/> (data obrashche-niya: 15.09.2018).
12. Bugaev A.M. Deklaratsiya o gosudarstvennom suverenitete Checheno-Ingushskoj respubliki: po-liticheski neizbezhnyi shag ili politicheskii demarsh [Elektronnyi resurs]. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2015/22/history/bugaev.pdf (data obrashcheniya: 15.09.2018).
13. Zheleznov B.L. Deklaratsiya respublik o gosudarstvennom suverenitete: pravovaya otsenka // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2007. № 4. S. 42–45.
14. O ratifikatsii Soglasheniya o sozdanii Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv: postanovle-nie Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 12 dek. 1991 g. № 2015-I // Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR. 1991. № 51, st. 1799. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docview&page=1&print=1&infostr=xO7q8+zl7fIg7vLu4fDg5uDI8vH/IO3IIOIg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&nd=102013524&rdk=0&&empire=> (data obrashcheniya: 13.09.2018).
15. O vnesenii izmenenii v stat'yu 71 Konstitutsii (Osnovnogo zakona) Rossijskoj Federatsii – Rossii: zakon Ros. Federatsii ot 10 dek. 1992 g. № 4071-I (prekratil deistvie). Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy «Garant».
16. Konstitutsiya Chechenskoj Respubliki 1992 g. Groznyi, 1992.
17. Saidumov M.Kh. Konstitutsiya Soyuza ob"edinennykh gortsev Severnogo Kavkaza i Dagestana: Chechnya v protsesse stanovleniya gosudarstvennosti (1917–1918 gg.) // Evrazijskii yuridicheskii zhurnal. 2018. № 3 (118). S. 199–202.

*Поступила в редакцию 15 ноября 2018 г.
Received 15 November, 2018*